

Дорога к Храму

Мирный православный

Издается по благословению Митрополита Архангельского и Холмогорского Даниила

ИЗДАНИЕ ХРАМА СВ. АРХАНГЕЛА МИХАИЛА г.МИРНЫЙ

Кадр из к/ф «Остров»

Двор мамоновского дома плавно переходит в натуральный сосновый бор. По участку бегают кошки. Их тут то ли 27, то ли 30: точно сосчитать невозможно - одни исчезают, прибываются другие. Бабушка с внуками полет огород, мальчики вместо сорняков выдергивают морковь. Хозяин спит: ночью работал, лег в семь утра, еще не встал. В ожидании сижу на скамейке под сосной, читаю. Появляется Петр Николаевич, но сразу уходит, пообещав вернуться минут через двадцать. Возвращается даже быстрее: «Хотел молитвенное правило читать - думаю: "Человек сидит, ждет". "Господи, помилуй" прочитал - и пошел».

- Если помните, был такой известный диалог между Путиным и Шевчуком, когда Путин его спросил: «А вы, собственно, кто?», а тот ответил: «Юра Шевчук, музыкант». Если бы вам нужно было себя определить одним-двумя словами, что бы вы сказали?

- Я спрашиваю: «Отец Дмитрий - мы с Дмитрием Смирновым дружим, я ему даю рок-н-роллы свои, стишки, то-се, - как вам тексты, как музыка?» «Вы, - говорит, - не поэт, не музыкант, не писатель. Вы - Мамо-

нов Петр Николаевич». Вот я себя как определяю. Есть такие люди - как бы это без излишнего тщеславия сказать, ...бывают люди, которые, благодаря обильному дождю божественных дарований, на них пролившемуся, являются, выражаясь вашим языком, знаковыми фигурами. Вот как-то на мне все эти клинья так сошлись, что мне Господь дал очень много всяческих талантов: я и стихи пишу, и книжки, и песни, и музыку, и кино снимаю сам, и в кино снимаюсь, и в театре актер, и где только нет меня. А сейчас стали приглашать меня люди просто разговаривать, я езжу, рассказываю им про Бога, как у меня дела, как я со своими немощами бьюсь, что выходит, что нет. Всем интересно, все слушают, благодарят. Вижу: из тысячи человек в зале двое, может, услышали чего. Вот такой еще жанр.

Кто я? Я человек. Живу, благодарю Бога постоянно. Вчера поздно лег, встал в три - новый день, все другое. Когда на воле живешь, то очень видно, что каждый день особенный...

Дело ведь не в том, кто я, а в том, что я, посредством Божьих дарований и собственных слабых сил и устремлений, могу

Петр Мамонов: «Хочешь быть крутым - давай кровь проливай»

людям дать. Потому что, как апостол нам сказал, «если любви не имеешь - ты медь звенящая». Пустозвон то есть. Ты можешь все посты соблюдать, все святые места объездить, все мощи обцеловать: любви нет - ты пустой медный таз. Любовь - это не чувство, а добродетель. Не надо пылать африканской страстью к старухе, когда уступаешь ей место в метро - надо это просто сделать. Любить - это делать, а делать - это отдать, а отдать - значит не лишнее, а от себя: свое время, денежки, в высшей точке - жизнь. Я верю апостолу Петру, имя которого ношу, потому что он сказал: «Недостойн как Господь на кресте распястися, распните вниз головой». Вот таким ребятам я верю.

Спрашиваю: «Отец Дмитрий, а вот я люблю молиться, люблю один быть, люблю Исаака Сирина читать. Но это же все себе». Он говорит: «Нет». - «Как так?» - «А Богу приятно». Я говорю: «О, все, понял, исполняю». Вот ты день прожил - себе: ни с кем не общался, все надоели, заперся, телефон отключил. Сядь, подумай: приятно ли это Богу?

Пришла в голову плохая мысль - и я вспоминаю, что Бог ее видит. А он за меня на крест взошел - вот этот, невинный, вот этот, который ножками босыми по Иерусалиму, по острым камням, вот этот, в котором не было ни вида, ни величия. И вот он стоит, и я сейчас у него на виду про бабу думаю. Стыдно. «Стыд и страх Божий - начала премудрости, - пишет Исаак Сириин. - Завесу стыда повесь на свои помыслы». Прекрасно. Если так будем жить - будем Божьи. Не просто Божьи рабы последние - будем сыны Божьи, святые люди. Кто такие святые? Это что, какие-то отдельные ребята? Нет. Это те, кто научился любить, отдавать. Все очень просто, и это «просто» очень сложно. Потому что против себя, привычного, любимого, вот этого, которого ущипнули, - больно.

Это не вера, это живая жизнь, с живым Богом, каждую минуту. А обряд - это от слова «обряжать», «одевать». А одежду сними - там голенькое тельце. Оно-то ка-

кое? А вся культура, искусство, Шевчуки, Путины... Нет, они все хорошие ребята, стареются. Юрочка старается, я его люблю очень, он честный. Путин, наверное, тоже честно старается, я его мало знаю...

Вон внуки приехали - тоже крест, попробуй-ка с ними... Привезли ужасные мультфильмы уродские современные, бабушка внукам ставит, не понимает женщина, что это портит им душу. Хожу, замучился. Отнять можно - не то. Можно выкинуть, спрятать - может, и можно. Вот и ходишь, думаешь. Поговорить - а как? А путь-то настоящий такой: сам иди и внуками займись. Расскажи им Евангелие, расскажи про святых. Не можешь? Сиди тогда и терпи эти жуткие мультфильмы. А то ты пришел выкинуть и уйти опять в свою нору, скрыться. Ты просто злой и хочешь настоять на своем, что ты такой православный, ты против этого, сейчас выкинешь. Это не то, старичок. Ты возьми чужую немощ на себя, тогда будет тебе. Не можешь - уткнись носом своим в щель, пусть они орут там, драконы их.

Вот как христианская жизнь проходит - постоянные головоломки. На сцене, в театре, в кино - квинтэссенция этих всех переживаний, мыслей, идей. Выходишь - дух творит себе формы. Управляет всем благодать Божия, сами мы не можем ничего. Вот я жизнь прожил, мне 61 год - я результатом своей жизни считаю не стихи и не фильмы, а вот это ощущение, что я без Бога не могу ни шагу ступить, ни кофе попить. Вот за это я себя уважаю - за то, что понял. И это понимание пришло через обстоятельства, которые подал мне Господь - такие, сякие. Почему я так переживаю за внуков, когда они смотрят эти ужасные мультфильмы? Вот они вырастут такими, не дай Бог, чудовищами: все себе, оттолкни, отпихни. Господь же все равно не оставит ни одно из своих созданий. Значит, как он будет лечить? Скорбями. Если ты, бабушка, ставишь жуткие эти мультфильмы, ты готовишь внуков своих ко скорбям.

Продолжение на стр.2

Где кончается христианство

Николай Евгеньевич был философ. Он читал лекции молодежи, которая «совсем отбилась от рук». Он был задумчив и часто на занятиях замирал и стоял несколько неподвижно, задумавшись о чем-то весьма глубоко. Потом, придя в себя, он театрально всплескивал руками и, вопрошая в зал: «Ах да, о чем это я?», продолжал говорить о нравственной трагедии Ницше, не забывая как-то внутренне дистанцироваться от всего нерусского и потому неважного.

Николай Евгеньевич веровал в Бога. К зрелым годам, пройдя пору увлечения спорами русофилов и западников, он стал частенько заходить в церковь, завел дружбу с батюшками-попами и стал совсем воцерковленным человеком, постясь, соблюдая молитвенные правила. Он даже завел себе чудную бородку-испанку, которая придавала ему всегда детскому выражению лица нечто от зрелой мудрости.

Как и любой философ, Николай Евгеньевич питал слабость к старикам, детям, сумасшедшим и нищим. Он любил послушать щебетание детских дискантов в песочнице, поинтересоваться пусть не молодым, но молодецким здоровьем пенсионеров на лавочке у своего дома, любовался городским сумасшедшим Славой, который и зимой, и летом в одной рубашке стоял на перекрестке ул. Профсоюзной и благословлял всех проезжающих широким православным крестом.

Но более всего Николай Евгеньевич любил здороваться с безногим инвалидом Витей, который встречал его в церковном дворе на своем кресле-каталке. Витя был инвалид Афганистана, сначала жил в дерев-

не, но от тамошней тоски и самогонки сбегал в город, тем более что здесь нашлись его старая, потрепанная жизнью подруга и небольшая пенсия, которую все равно нужно было получать в городе.

Николай Евгеньевич любил Витю за то, что тот никогда не жаловался, был всем доволен, за милостыню благодарил с достоинством и все совершенно искренне пропивал.

Любителю читать древние Патерики, Николаю Евгеньевичу, Витя иногда казался сокровенным Христом, который внимательно смотрит на всех проходящих и их милосердие. Что вот это не Витя, нет, что это сам Бог сидит на каталке и смотрит в сердца человек. Обычно они говорили о пустяках, однажды только Николай Евгеньевич заговорил с Витей о фантомных ощущениях от отсутствующих Витиных ног, но Витя посмотрел на него, как на сумасшедшего, и разговор, не начавшись, закончился. «Много мудрствуешь», - озлился на себя философ, и губы его растеклись в неестественной улыбке.

Витя поначалу держался подальше от остальных нищих, которые ночевали непо-

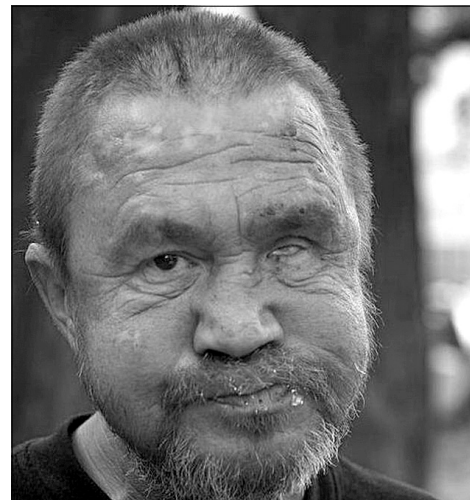
далеку от храма в теплотрассе, но случай сблизил их, они стали вместе выпивать и что-то шумно обсуждать. Потом Витя пропал на некоторое время и появился уже только к осени без коляски и с загнанными глазами.

Николай Евгеньевич стоял на останке у храма, когда его кто-то дернул за плащ. Он обернулся и увидел Витю, который сидел на земле и протягивал ему горстку мелочи. «Мужик, - просил он, - купи мне курева, пожалуйста, а то мне до окошка ларька не дотянуться». Николай Евгеньевич наклонился к Вите и вдруг увидел, что из глаз того, словно крупные слезы, стекали мутные капли белесого гноя, глаза были воспалены, а зрачки его голубых когда-то глаз были совершенно белыми. Витя был слеп.

- Витя, друг, что с тобой? - заговорил Николай Евгеньевич. - Что с твоими глазами?

- Да мы тут с мужиками одеколону напились, потравились, значит. Вот и потерял я глазонки-то из-за химиков наших. И чего это они в одеколоне мешают, гады?

- Да ведь тебе в больницу надо...

- Надо, да ты не суетись, суетиться поздно, ты мне курева купи и посади-ка на скамейку, а то я себе уже задницу отморозил. Жаль вот, каталку я свою пропил...

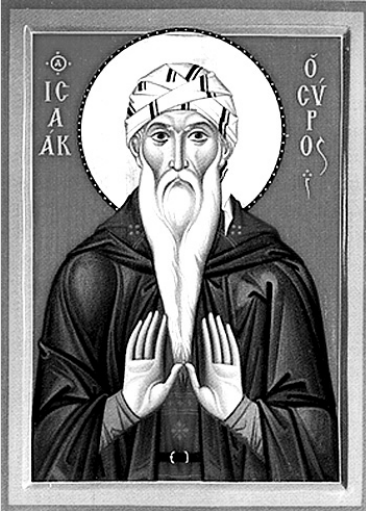
Николай Евгеньевич купил ему сигарет и помог Вите взгромоздиться на скамейку. Они посидели. Помолчали. Витя закурил. От тошнотворного дыма Витиных сигарет, от гноя, который тек по Витиным грязным щекам, Николаю Евгеньевичу сделалось дурно, и он сбегал.

Продолжение на стр.3

Читая преподобного Исаака Сирина

Исаак Сирина (Исаак Ниневиийский) — христианский писатель, монах-отшельник. В 661 был епископом Ниневии, затем удалился в монастырь Раббан Шабор. Его сочинения (на сирийском языке) на темы аскетике и мистического самоуглубления получили широкую известность в восточно-христианском мире, были переведены на арабский, греческий, славянский и другие языки. Память в Православной Церкви 28 января (10 февраля).

Все, что считает Бог полезным для нас, то и совершает с нами, приносит ли это страдание или доставляет облегчение, причиняет ли радость или боль, все это направлено к единому вечному благу.

Бог любит праведников и грешников, не делая различия между ними.

Когда Бог наказывает человека, то делает это из любви и ради его спасения, а не ради воздаяния: «Наказание любви бывает для исправления, а не в целях возмездия» и «Он не гневается до тех пор, пока исправление не становится невозможным».

Милосердие противоположно правосудию... Милосердие относится к области праведности, а справедливость — к области зла. Как сено и огонь не могут находиться в одном месте, так милосердие и справедливость не могут соседствовать в одной душе.

Грехи — горсть песка, брошенная в море милости Божией.

Правосудие суть требование зла, Бог неправосуден: «Где же правосудие Божие? В том, что мы грешники, а Христос за нас умер».

Бойся Бога из любви, а не из того, что его считают жестоким.

Если мы грешим, Бог приказывает одному из демонов наказывать нас — не ради возмездия, но «чтобы тем или иным способом не отдалялись мы от Бога».

У человека пять даров — жизнь, чувства, разум, свободная воля и власть. Три части души — желание, ревность-раздражение и разум.

Бог не имеет ненависти и обиды к демонам.

Есть страсти, которые от Бога, они вложены в тело и душу для их пользы и возрастания.

Причины греха суть вино, женщины, богатство и здорье.

Голос Бога — как дождь на скошенный луг и как капли, тихо падающие на землю.

Без вина не пьянеет человек, и не бьется радостно сердце его, а без опьянения в Боге никто не обретает естественным образом добродетель, которая не принадлежит ему.

Но не благоволил Бог, чтобы возлюбленные его покоились, пока они в теле.

Благодать подается прежде искушения.

Молитва без утруждения подобна выкидышу.

Не следует у Бога просить земных благ.

Покаяние обращено не только в прошлое, но и в будущее.

Прежде искушений человек молится Богу, словно кто-то чужой, но если выносит их спокойно и со смирением, Бог, по слову святых, становится как бы должником того человека.

// Русская неделя

Петр Мамонов: «Хочешь быть крутым - давай кровь проливай»

Продолжение.
Начало на стр.1

Это один кусок мыслей, ощущений, слов и чувств. Второй кусок - мистический, таинственный. Крест - самое таинственное дело. Антоний Сурожский замечательно говорит, что крест - это незащищенность и риск... Мир страшен, он давит, он будет топтать. Но - «посылаю вас, как овец среди волков». Это очень важный момент. Чтобы засолить килограмм мяса, не нужен килограмм соли. Если христианин будет щепоточка, мир этот будет осолон ими. Но надо не тлеть, а гореть. А это крест, это кровь, это незащищенность и риск. Это с открытыми глазами, с распахнутыми душами, с гениальными дарами - и все в крови... Вот где крутизна. Хочешь быть крутым - давай кровь проливай. Вот вся история, и искусство, и вера: линейкой отмерить пролитую кровь. Если это в жизни состоялось - только это с собой в вечность и заберешь.

Об этом мы сейчас делаем новую программу: о незащищенности, о том, как в этом мире жить - палочкой с хворостинкой, птичкой на ножках в сорокаградусный мороз.

Двое наркоманов были, знакомые мои, под Киевом. Девять лет торчали на героине, решили: нет. Под городом поставили две палатки, через три года реабилитационный центр, 400 ребят спасаются там. Их дают, хотя закрыты, они борются, точь-точно бомбят, наркоманов вытаскивают. Парни молодые, по 35 лет. Вот как можно жить, душу класть за людей.

- Я был на вашем выступлении на сентябрьском книжном фестивале в Парке культуры. Меня поразили тогда вопросы из зала: какая-то девушка, помню, рассказывала, что ее бросил молодой человек, и как теперь жить, во что верить? Вам не страшно, когда вас спрашивают, как жить дальше, в чем смысл жизни, - и вы должны что-то на это отвечать?

- Когда я отвечаю на такие вопросы, я говорю только о себе. У меня в жизни много всякого случилось, как мне Бог помог, как я был без Бога, как это трудно, как это тупиково. Я отвечаю не с позиции учителя, а с позиции учащегося, соперничающего. Приехал ко мне один батюшка, когда у меня были всякие закидоны, я ему рассказываю, а он слушает и плачет. Я запомнил на всю жизнь. Он не сказал мне ничего, у него просто слезы потекли от моего горя. Я плакать по чужому поводу не умею, такой глубины у меня нет, но соперничать могу. Потому что я стараюсь быть незащищенным, стараюсь идти открытым-открытым-открытым к людям. Я для этих девушек, это мое служение.

- Вы неоднократно говорили, что ваш любимый духовный писатель - Исаак Сирина, и сегодня вы постоянно ссылаетесь на него, цитируете. Что есть в нем такого, чего вы не находите в других раннехристианских авторах?

- Сто томов корпус творений святых отцов. Почему их так много? Господь по милости своей дал каждому то, что ему нужно. Люди все разные, с разным эмоциональным, психофизическим устройством. Я открыл для себя этого святого при помощи тогда иеромонаха, а ныне митрополита Илариона (Алфеева), его книжки «Духовный мир преподобного Исаака Сирина». Я тогда путался в вере, колебался, это было лет двенадцать назад. И мне попала в руки эта книжка. Меня поразило, что смысл весь в любви, и то, как у

Исаака это сказано, и какой он сам там выходит. Я стал его читать. И лично мне больше не надо ничего. Я читаю Писание и Исаака Сирина, редко-редко что-нибудь другое. Открываю и думаю: как же он знает меня всего! Всего-всего. Иногда простая мысль, а как это сказано, как прожито! Ведь мы говорим «пустынные отцы-отшельники» - а что такое пустыня? Это один песок, ничего, кроме песка. В какой-то книжечке святоотеческой на фронтисписе есть фотография Скитской пустыни. Я посмотрел: там одни холмы песчаные. И как они там, по 80 лет?..

Мы с митрополитом Иларионом давным-давно затеяли диск: там его музыка и текст этой книги. Он читает за автора, а я за Исаака Сирина маленькие цитаты. Первый выпуск вышел давно, а для второго я только что сдал работу, скоро выйдет. Оказалось это жутко сложным делом. Я пять лет читал сорок минут текста. Пришлось менять жизнь: это как молитва - не соврешь.

Недавно вышел компакт-

диск, мне предложили собрать песни, которые я написал за всю жизнь. Набралось три часа - за 30 лет. Вот так вот. Пять лет - и сорок минут. Тридцать лет - и три часа.

- В одной из закорючек вы рассказываете, что когда приходили к вере, то купили молитвослов и на полях начали отмечать, что вам близко, что нет. Что мешает современному человеку, приходящему в Церковь?

- В первую очередь лень. «Стучите и отверзется вам», - сказал Господь. Не просто «отверзется», а «стучите и отверзется». Если встанем с постели, в дверку эту стучать начнем, то отверзется. Вот я за эти двери со скрипом мизинчиками крючковатыми зацепился - и они открылись, и Господь пришел. Он же не обманет, это же не Сбербанк. У человека верующего начинается опыт веры, когда он просил - и дано, страдал - и Господь избавил. У христианина каждый день столько доказательств - Господь же рядом, постоянные чудеса. А нам нужен шестиметровый ангел огненный. Сейчас пришел бы, все бы попадали. А Господь не как пастух, который идет позади стада и гонит его хлыстом. Он идет впереди и зовет, кто хочет, тот пойдет. Я, по милости Божией, проявил нелюбовь. Я читал дневники Толстого, и меня поразило, с какой яростью он боролся с собой, действительно как лев. И я подумал: «Ни фига себе! А я? Ну-ка, давай и я тоже попробую, что это такое». Вот так я купил молитвослов.

Еще мешает мракобесие в Церкви. «Можно ли внуку подарку купить? Батюшка, благословите». «Нельзя», - отвечает батюшка. И ведь не купит. «Иди, - говорит батюшка, - за подарками, я же пошутить». Страшная вещь. Сорок лет ходит такая бабушка в церковь - мимо денег. А благослови ее кусок мыла съест 72-процентного - не ест. Батюшка благословил, что ж ты не ешь? Значит, соображает чуть-чуть. Вот что такое наши храмы.

Еще распространена вещь: «У меня Бог в душе». Хорошо. Сегодня позавтракай в душе, и пообедай в душе, и поужинай в душе. Завтра посмотрим, как ты будешь в душе сыт. Господь - это определенные действия, это жертва. Это ногами пойти в храм в выходной день, в семь утра встать. Это он хам такой, а ты ему «здасьте». Он глупость говорит, не понимает, не слышит - ты терпи, опять объясняй. Как об стену горох - любимое выражение отца Дмитрия. Так бы и дал по ушам палкой, чтобы прозвездилось чего-нибудь - нет, ты повторяй.

56 лет, лысына, внуки. «Крестись». - «Я, батюшка, еще не готов». Интересно посмотреть, как ты там готовишься. «Relax». Вот и будет тебе relax. Встанешь, вот он, Господь, а ты ему скажешь: «Relax». А он тебе: «Гудбай». А может, скажет: «Здравствуй, сын, я тебя ждал». За гробом из одного праведника нет, только кающиеся грешники. Нил Сорский сказал: «А тело мое бросьте псам». Это он что, шутил? Или сумасшедший? Он видел, что он вообще недостоин, ни капли, ничуть. Вот как по-настоящему, когда Христос - вот он - и ты. И слезы текут. И начинается - что? - движение.

Опять же, вот я такой умный сижу. Молитву читал 15 лет о «всех прежде отшедших в вере и надежде воскресения» и думал, что это про отшедших от веры. И вдруг два года назад понял, что это об умерших. Вот как мы читаем молитвы - я, не будем о других.

«Батюшка, а можно мне акафист к вечернему правилу добавить? И еще канон». Ну добавь, что будет? Ляжешь спать с пятеркой: «Я акафист добавил, я лучше того, кто не добавил». Вот дьявол чего хочет: ночь не спит, стоит на коленях, в храм пришел - его не тронь. Святой Сатана. Домой пришел из храма - не убрано, все не то, мультфильмы не те, детей воспитывают не так. Скорей бы ушел. Что же, позвольте детям смотреть эти ужасные мультфильмы? Нет. Найти благоприятный момент, когда мир и тишина, как-то жене собственной, с которой 35 лет живешь, постараться сказать пару слов - может, поймет. Или выбрать время, сходить на горочку, купить православных мультфильмов, подсушить - может, будут вместо этих скачущих фигурок смотреть такие же, но с другим смыслом. Но это надо сделать. Собираюсь уже полгода - завтра, завтра. За пластинками Рэя Чарльза ездишь, а за этим нет. Тогда сиди, посапывай в две дырки. Как бы поступил Христос? Он бы сел рядом и стал рассказывать. И рассказывал бы так интересно, что не захотелось бы никакие мультфильмы смотреть. Раз «Том и Джерри» интереснее православной веры - значит, вера такая тухлая в тебе, родной, любимый. Огонь зажигается от огня. От тухлого сена ничего не будет...

...Можно к Богу приближаться всю жизнь - эту и вечную. Вот какие горизонты, человек! И это для тебя. Не ангелу, не кому-то - тебе. «Я пришел дать вам царство». Вот слова, от которых в дрожь бросает, если по-настоящему задуматься. Вот цель, вот зачем эти свечки, молитвы, посты. Чтобы царство. Я хочу царства, я хочу мелочи. Я хочу быть сыном Бога. Это круто. А остальное все... Я все пробовал, это эрзацы.

Михаил Эдельштейн
// Нескучный сад

О православных манипуляциях, или о манипуляции православием

Я развелась с мужем. И благодарю Бога за это. Какой ужас – закричат все. Как можно? Ведь то, что Бог соединил, человек не разделяет! Ведь православная семья должна пройти через все – и все вынести, и так прорасти в Царствие Божие. Ведь нужно терпеть все и сносить, а претерпевший до конца – спасен будет. И еще масса цитат. И из Евангелия, и из Святых отцов. И все верно, и не поспоришь. Так почему же я так пишу об этом? Не для того, чтобы пожаловаться или рассказать о своей несчастной семейной жизни. Нет, меня больше беспокоит другое – замыливание и постепенное уничтожение Слова.

Евангелие не только в личной и семейной жизни – но и в общественной, например, в политике. Любая христианская партия, созданная сегодня в России – стране с прерванной православной традицией, очень скоро может превратиться в идеологического монстра, еще страшнее коммунистического. Там хоть понятно было, что «истины коммунизма» выдуманы людьми, а здесь – то – слова Божественного Писания!

Но оттого, что Евангелие становится «техникой управления людьми» — пусть пока на уровне частном – семьи, прихода с батюшкой-кумиром, у которого на все заготовлена цитатка, Живое Слово – Христос – превращается в мертвый лозунг, за которыми не стоит ни жизнь, ни правда, ни любовь. Зато в арсенале оказываются не только морализаторские сентенции, но и оружие в виде страха и запугивания карами на том свете, адом, мучениями здесь, которые грядут вслед за «отступничеством», ну и разного рода инструменты, вроде церковных судов, используемых, что уж там говорить, как инструмент для сведения счетов, и просто банальных православных сплетен.

К сожалению, такое «нивелирование церковного слова» сейчас происходит повсеместно. С одной стороны – в проповедях из года в год стандартно говорится примерно одно и то же. И вроде бы понятно – что можно сказать нового? Но чаще всего за словами, звучащими с амвонов, нет ни жизни, ни вдохновения.

Надо сказать – вот и говорим. Да и где набраться вдохновения на каждую проповедь, если батюшка сам выматывается до невозможности – дети, строительные заботы по храму, исповедь и прочее.

С другой стороны – мелькание батюшек в СМИ: на экранах телевизоров и в газетах – тоже обнаруживает печальное однообразие и стандартный набор каких-то довольно неглубоких истин, облекаемых почти в одинаковые слова. Иногда кажется, что большинство «прихожан со стажем» сами могут давать себе духовные советы, потому что они уже примерно знают, что нужно сказать по тому или иному поводу, изучили весь набор возможных вариантов.

Как писала Олеся Николаева в романе «Мене, текел, фарес»: «Как-то раз я засиделась в Москве, и мне очень нужен был его (духовника) совет. Кто-то ехал в Троицк и обещал передать отцу Ерма мое письмо. Вот я его и написала. А потом, подумав, что мне самой же и придется отвечать на него, тут же настроила себе почерком отца Ерма целое послание. «Дорогое, возлюбленное о Христе чадо! К сожалению, нехватка времени не позволяет мне подробно ответить на Ваше письмо. Однако...» И тут я давала себе самой кучу всяких добрых советов, основанных на изречениях Отцов Церкви. Так ему это и послала. Все советы он потом одобрил».

Может быть, это болезнь роста? Такой своеобразный православный подростковый возраст,

когда мучительно хочется за Евангельским словом видеть правду, а в жизни христиан – жизнь, а не проживание? Может быть, это всего-навсего подростковый максимализм, который сменяет розовослюнявое неопитство? Может быть. Но пока мне все меньше и меньше хочется цитировать Отцов, поминая их к месту и не к месту, все меньше и меньше хочется говорить о вере и Христе. Не потому, что веры стало меньше, а потому, что я чувствую, как с каждым сказанным словом из этих слов уходит жизнь и остается лишь пустая оболочка, погремушка, идеологический штамп. И в кармане лежит уже не драгоценная жемчужина, а так, затертая от долгого употребления мелочь – пятаки, копейки.

Мне кажется, нам всем не хватает внутреннего молчания – да и внешнего тоже. Мы все стремимся всех «отмиссионерить», привести к Богу, открыть глаза, забывая, что сами мы еще – далеки от Него, да и глаза у большинства из нас пока что широко закрыты.

Честно скажу – я не знаю, что можно с этим делать, как исправить эту ситуацию. Может быть, это только моя личная проблема, и никому из остальных православных она не знакома. Что же, тогда я могу все самой себе объяснить набором таких знакомых и таких удобных цитат: про бревно в своем глазу и про бесплодную смоковницу.

Анна Гальперина
//Азбука веры

Как мы ругаем протестантов и разного рода баптистов за то, что они «выдергивают» цитаты из Священного Писания, как возмущаемся, что они используют их себе на потребу. Но не то же самое ли стали делать и мы? Несомненно, что делается это исключительно из благих побуждений. Тот же мой пример – ведь, действительно, что может быть горше, чем развод, распад семьи, тем более, семьи многодетной. Но вот во что я не верю – это в то, что семью надо сохранять во что бы то ни стало... на манипуляции и лжи, на стократных повторениях – пусть даже самых прекрасных и высоких слов из Писания.

Большинство наших «новых православных» имеют не такой уж большой опыт церковной жизни – лет 10-15. На заре неопитства все принимается за чистую монету, буквально следование Евангелию кажется главной целью, и вот – ты благодарить за любое унижение, ты, как тебе кажется, смиряешься до зела, говоришь себе – а чего же ты еще хотела, по грехам твоим и получаешь. И чувствуешь себя уже практически на небесах. И в какой-то момент понимаешь – причем происходит это неожиданно и довольно поздно – что ты просто «играл в терпение» и за этой игрой потерял сам себя. Не то что-

Где кончается христианство

Витю он увидел через неделю, тот сидел теперь постоянно у ларька на подстилке из картона и протягивал руку. Николай Евгеньевич положил ему туда всю мелочь, что была у него в кармане, и постарался проскочить мимо него скорее. Но Витя почти закричал: «Сколько положили-то? Сколько положили? Ты что, не видишь – я слепой. Я как узнаю, сколько ты мне дал-то?»

Николай Евгеньевич брезгливо остановился, ему совсем не хотелось вслух при людях считать, сколько он там дал, ему показалось это мелочно и некрасиво. Но Витя громко настаивал. Николай Евгеньевич посчитал: «Что-то около пятнадцати рублей».

«Что значит «что-то около»? Ты мне точно посчитай, я же слепой, я не вижу, – не унимался Витя.

Николай Евгеньевич посчитал и после этого случая старался обходить Витю стороной и не вспоминать о нем. Но в осеннее затишье перед первым снегом он возвращался с церковной службы вместе со своим знакомым Кириллом. Они беседовали о чем-то божественном, высоком. Но вдруг впереди них на тротуаре вырисовался необычный силуэт существа, которое передвигалось странным способом. Николай Евгеньевич присмотрелся и узнал Витю. Асфальт был покрыт уже несколькими сантиметрами подмерзающей грязной жижи, в которой на своих ладонях, таща по земле остатки ног, полз обрубок человека на уровне коленей людей, стоящих на остановке. Полз очень неуверенно, потому что обрубок этот был еще и почти слеп. Николай Евгеньевич с Кириллом, не сговариваясь, подхватили Витю под

руки и донесли его до скамейки у ларька, посадили на сухое место.

«Спасибо, ребята, а то бы я еще часа два полз, – поблагодарил усталый и запыхавшийся Витя, – я ведь слепой, у меня всего 12 процентов на одном глазу. Вы бы мне курева купили, а...»

В Николае Евгеньевиче росло негодование, смешанное с удручающей жалостью.

– Да куда же вы пойдете? – стал говорить он дурацким голосом, чтобы Витя не узнал его и не вспомнил. – Вы же на этой скамейке замерзнете. Ночью такие холода.

– А вы мне, ребята, главное – курева купите...

– Да что вы. Вы посмотрите, до чего вы себя довели... Вам нужно остановиться, вы без ног, вы ослепли от пьянства... Сейчас пост начинаются, подумайте о своей душе, о Боге... – запричитал Николай Евгеньевич.

Странно, но Витя не стал оправдываться, он опустил голову, помолчал.

– А знаете что, ребята, – начал он вдруг весело, – коли вы такие хорошие, отнесите-ка вы меня в храм к адвентистам, здесь рядом. Знаете, поди...

– Может, вас лучше в православный храм отнести? – начал, было, Кирилл.

– Нет, я там уже всем надоел, да и курящий я. А у адвентистов меня сторожа терпят, ничего не говорят. Несите туда.

Николай Евгеньевич и Кирилл взяли Витю под руки и понесли к адвентистскому храму. Витя был тяжелый, руки у него были слабые, расцеплялись. Пока несли, часто отдыхали, усаживая его на

сухое. Он тяжело дышал и постанывал, почесывая совсем мокрые и грязные штаны свои, завязанные на концах узлами.

Наконец они посадили Витю у адвентистского храма, он пополз внутрь. Но вдруг остановился, перекрестился по-православному, поклонился до земли и твердо и вместе с тем как-то по-детски сказал: «Господи, если можешь, прости меня, грешного». Потом обернулся и посмотрел на оставшихся позади Кирилла и Николая Евгеньевича.

евича. Он, казалось, смотрел прямо на них и вдруг сказал: «Хорошие парни. Жаль, ушли. А курить-то так мне и не купили». Потом повернулся и стал ползать в храм.

Хорошие парни после этих слов повернулись и молча пошли домой.

Николай Евгеньевич шел и думал: «Вот я из-за своей сомнительной праведности не купил человеку курить, он, поди, теперь всю ночь будет мучиться, до киоска-то далеко. Почему я не взял этого человека домой? Почему я даже не пригласил его? Почему я не привез его домой и не вымыл его в ванне, не постирал ему холодные, мок-

Продолжение. Начало на стр.1

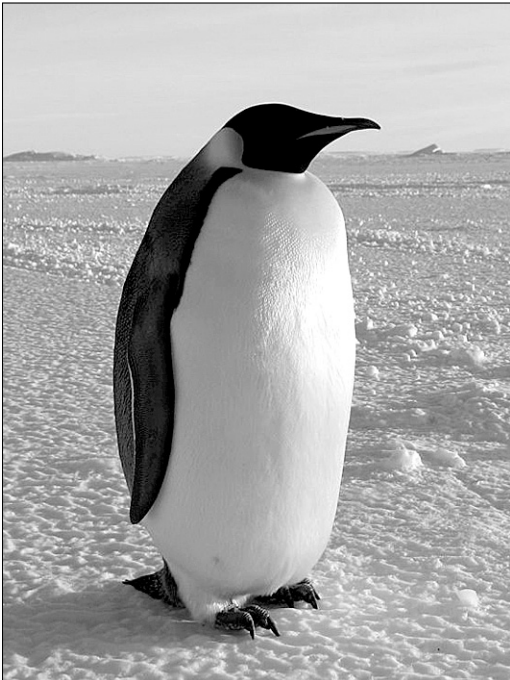
рые и грязные штаны его? Почему я не стал кормить его горячим супом? Почему на следующее утро я не отвез его на вокзал, чтобы электричкой отправить в родную деревню? Почему я брезгливо отнес его в храм к адвентистам, которые его принимают, а мы, православные, не принимаем? ПОЧЕМУ?»

И Николай Евгеньевич честно признался себе: «Потому что мне противно. Потому что я брезгливо его грязной и вонючей одеждой. Потому что я поймал себя за

тем, что я разглядываю себя, не замарал ли он меня своей грязной одеждой. Потому что на этом и заканчивается мое христианство, моя любовь к людям и Богу. Потому что вот этими слепыми глазами Вити Господь посмотрел на меня и сказал: вот ЗДЕСЬ кончаешься ты как христианин».

И Николаю Евгеньевичу стало противно себя, он шел и ненавидел себя, и с его глаз капали невидимые капли невидимого гноя, которые добрый его Ангел-хранитель отирал с лица его, радуясь о прозревающем.

Мирослав Бакулин
// «Зубы грешников»

Ora et labora Молись и работай

У человека много родителей, по крайней мере, их число не ограничивается физическим отцом и матерью. Мы все дети своей эпохи и носим в себе ее гены и повторяем ее привычки, поэтому над нами смеются те, кто приходит после нас, а мы, в свою очередь, считаем странными тех, кто жил раньше. Для европейцев все монголы на одно лицо, и тот же штамп существует в отношении исторических периодов. «Те, что жили при Сталине», «те, что жили при Петре I», - все они были разные люди, но при этом составляли некое несомненное единство как плоды своей эпохи. Те из нас, кто знаком с Псалтирью, вслед за Давидом часто повторяют слова о том, что мы зачаты в беззакониях и во грехах родили нас наши матери. Эпоха тоже зачинает нас беззаконно и рождает во грехах. Она надевает на наши глаза только нам подходящие линзы, и мы видим мир таким, каким никто до нас его не видел.

Мандельштам называл свою эпоху зверем. «Век мой, зверь мой, кто сумеет заглянуть в твои зрачки?» Как назвать нам эпоху, чья пыль у нас на подошвах? Время, в которое нас окунули, какое оно? В каком-то из первых годов третьего тысячелетия, в рождественском посту, под вечер, не ев с утра ни крошки, я вошел в небольшой ресторан и спросил у девушки-администратора: «У вас есть постное меню?» Она посмотрела на меня глазами, полными то ли грусти, то ли усталости, и ответила: «У нас есть все, кроме счастья в личной жизни». Сейчас, когда я думаю о нашей общей современной жизни, мне вспоминаются ее слова, потому что суть нашей жизни отразилась в них так же ярко, как солнце отражается в весенней луже.

У нас действительно есть все, кроме счастья. Жизнь современного человека отравлена мечтами о нем. Лучшее, как известно, враг хорошего. И вот, имея множество самых прекрасных вещей, человек не ценит их и даже не замечает, устремляя тоскующий взор в «прекрасное далеко».

Некрасовские мужички предел мечтаний полагали в том,

чтобы поесть ситного, т.е. белого, хлеба вволю. Наш современник регулярно мажет маслом свежую булку и умудряется быть при этом несчастным. Если командир Красной Армии замечал налет английского сплина на храбрых лицах своих солдат, то нельзя было придумать ничего лучшего, чтобы вернуть бойцам жизненный тонус, как устроить им марш-бросок в полном снаряжении. На последнем километре можно было дать команду: «Газы!» И - о чудо! Глядя на Божий мир через запотевшие стекла противоязга, бойцы мечтали о глотке свежего воздуха больше, чем о поцелуе невесты. Добежав дистанцию и помывшись до пояса холодной водой, они были поистине счастливы, маршируя в столовую.

Этот подход может быть полезен, если пользоваться им как аналогией. Вы, к примеру, считаете, что жизнь не удалась. Ранним утром поезд метро, мерно покачиваясь, несет вас на работу. Рядом с вами, закрыв глаза, едут невыспавшиеся люди, металлический голос объявляет станции, молодежь в плеерах слушает музыку. Трудно конкретно сказать, чего вам хочется, но все нутро ваше изжарено ожиданием чего-то светлого и чистого, которое почему-то никак не приходит.

Не мучьте душу. Помучьте тело. Выйдите из метро за двери остановки до нужной станции и остаток пути пройдите пешком. Щеки зарумянятся, кровь разбежится по телу, и для уныния не останется физических предпосылок. «Пойдем разобьем кровь», - говорил келейнику Тихон Задонский, частенько приглашая его наколоть дров или распилить на дрова большую корягу. Этому аскету и молитвеннику по временам было необходимо потрудиться физически до тех пор, пока потом прошибет и пройдет усталость. Это нужно было и для духовного, и для физического здоровья.

Десятки тысяч наших молодых женщин приучились просиживать часами за бокалом вина или рюмкой ликера и, выкуривая сигарету за сигаретой, жаловаться на жизнь своим подругам, да вполуха слушать их ответное нытье. И это потому, что посудомоечные и стиральные машины, микроволновые печи и кулинарные магазины перебрали на себя утомительные и трудоемкие занятия и подарили женщинам кучу свободного времени.

Подарок оказалось легче съесть, чем переварить. Того и гляди, придется ради душевного здоровья раз в неделю набирать полную ванну воды, замачивать простыни, хлупаться с полосканием или вывариванием, чтобы с натруженной спи-

ной и спокойной совестью упасть вечером в кровать для очередного наслаждения - глубокого сна без сновидений.

Сказанное в полной мере касается и мужчин. Запрограммированные внутренне на тяжелый труд, войну и путешествия, они сегодня не делают почти ничего из того, чем занимались тысячами летями. Птица, сохранившая крылья, но разучившаяся летать, - это пингвин или курица. Мужик с руками без мозолей и глазами без мыслей - это наш современник. Доминирующий тип, как плесень, покрывающий населенную часть планеты. Узнать его нетрудно. Сам о себе он думает как о непризнанном гении или неотражимом мачо. На деле это пустоголовая и спесивая гнилушка, одетая в брюки.

Чего требовать от бедных женщин, если кредо мужчин - «поменьше ответственности, побольше удовольствий». Не нужно будет удивляться, если лет через десять брачные агентства начнут устраивать нашим барышням счастливые браки не с европейскими сморчками, а с трезвыми и работящими китайцами.

У этих с дисциплиной все в порядке. Если учатся, то с утра до вечера; если тренируются, то из спортзала не выходят. И так во всем. Догнать их или даже слабо подражать им нет никакой возможности. Дай Бог хоть как-то сдвинуться с мертвой точки.

Цивилизация, ориентированная на комфорт, не сделала нас лучше. Она создала условия для того, чтобы плохой стал еще хуже, а хороший расслабился. Становится понятной та забота Церкви о человеке, которая невежам кажется формализмом или излишней строгостью. Посты, поклоны, длинные службы нужны человеку, поскольку без дисциплины, ограничений и труда человек исчезает.

На его месте появляется недочеловек - полубес, полуживотное. В этом inferнальном зверинце мы уже отчасти живем и чем меньше это ощущаем, тем больше к нему принадлежим.

Счастье - категория не внешняя, а внутренняя. Когда Адам был в раю, то и в Адаме был рай. Ни ученость, ни богатство, ни здоровье сами в себе неизбежного счастья не содержат и дать его человеку не в силах. Есть несчастные академики, и есть счастливые, не умеющие читать. Есть миллионеры, проклинающие ночь своего зачатия, и есть голытьба, благодарная Богу за чашку риса. Вопрос в подходах, в образе мыслей, в вере и уповании. Если на это не обращать внимания, то сколько ни одаривай благами гнусного и неблагодарного человека - его бездонное сердце останется холодным и пустым.

Протоиерей Андрей Ткачев
// Отрок.уа

Будьте счастливы

...Я знаю множество историй, когда у супругов возникает какая-то беспричинная ревность или возникает раздражение, не имеющее под собой никакой основы, иногда даже физическое отвращение к своему супругу или супруге, такое даже бывает. Все эти искушения можно преодолеть с помощью Божией. Только во Христе возможно найти ответ на мучающие нас вопросы: как быть, если муж начал пить, как быть, если жена совсем не слушается, не смотрит за детьми, как терпеть ее постоянную болтовню, как терпеть угрюмое молчание мужа, когда он приходит после работы и не хочет поговорить, утыкается в компьютер или в телевизор. На все эти мучительные вопросы отвечает Господь и помогает найти тот путь, на котором можно преодолеть трудности.

Нужно обращаться ко Христу, и Он залечит раны того, кого обижают, и умиротворит гнев того, кто не справляется с собой и сам страдает от того, что наносит раны другим. Он даст мудрость, поможет воспитать детей, смирится со старостью жены, с тем, что она стала некрасивая, толстая, с тем, что муж какой-то лысый или страдает какими-то заболеваниями, с тем, что не устраиваются супружеские отношения. Во Христе возможно преодоление всех этих сложностей. Вера в жизнь после смерти, ради которой нас создал Бог. Вера в воскресение из мертвых, вера в возможность жизни там, в этом царстве любви, она очень помогает. Но мы, к сожалению, живем плотью. Эти наслаждения, которыми

живут современные люди: секс, кревоугодие, зрелища, игры компьютерные или азартные, спортивные зрелища, — все это опустошает человека, лишает его способности любить.

Ближе чем супружество нет родства. В этом общении муж и жена обретают радость полноты бытия. Если человек не посвятит себя Богу, если он не станет монахом, если не посвятит себя работе, служению Церкви, ему будет очень тяжело в одиночестве оканчивать свою жизнь. В браке обретается полнота. В браке человек в другом видит по-другому себя. До сих пор он на себя смотрел своими собственными глазами. Он не верил родителям, да и родители не всегда были взыскательны по отношению к нему, а суп-

руг видит его иначе — со стороны. И в нем по-другому узнаешь себя, становясь другим, потому что, соединяясь в браке, человек становится другим существом. Обретает другой образ, другое существо. Вся жизнь меняется, и поначалу это кажется интересным, новым, потом становится тяжелым, трудным. Но если преобразить это трудами любви, трудами по исканию любви, тогда, конечно же, это будет удивительное счастье, удивительная радость.

Я хочу пожелать всем супругам, чтобы радость подлинной, была познана вами, чтобы вы ее преискусили уже сейчас, чтобы ради нее вы стали жить, ради нее стали трудиться, чтобы всегда помнили об этой радости. И никогда не верили

злым мыслям, черным мыслям, которые будут говорить, что надо уйти, надо изменить свою жизнь, надо жить одному, это неправильно, это была ошибка. Не верьте этому. Это ложь, клевета, дьявольская клевета, не верьте этому. Бог вас соединил вместе, даже если вы не повенчались в церкви. То, что вы объявили себя мужем и женой перед людьми, то, что вы делите и ложе, и трапезу, и деньги, и жилье, и то, что у вас есть или будут еще общие дети, это, конечно же, знак того, что вы выбрали друг друга навсегда. В этой верности не ищите ничего другого больше. Вы выбрали себя, друг друга выбрали здесь. Будьте верны, как вы верны самому себе. Вы же не станете другим человеком,

так не может быть другой и жена, она та, которая рядом. И если она больна — помолитесь о ней, о ее здравии. Терпите, как терпите больную руку. В ней есть душа, в жене, в муже, которая Богоподобна, которая драгоценнее всего этого мира, звезд, луны. Поймите драгоценность этой души. Цените красоту этой души. Желаю вам увидеть, почувствовать красоту этой души. Помогите, чтобы эта красота заблестала всеми гранями талантов, которые дал Бог вашему спутнику жизни. Будьте счастливы!

Из интервью епископа Пантелеимона (Шатова) «Тайна счастливых семей» // Нескучный сад

Я строю небесный дом для любимой...

Мы знали оба, что она уходит, что страшную болезнь победить невозможно. Мне хотелось удрать, спрятаться, исчезнуть - сбежать от жены, чтобы где-то в стороне от ее мучительно-тихой белой палаты, от капельниц, от деловитых сестер, от увядающих в вазах ненужных цветов, принесенных нашими друзьями и родственниками, от скорбного и мучительного ожидания неизбежной минуты расставания, - от всего этого уединиться и просто завывть, напиться, выкричать свой ужас, протест и горе. Но уйти из палаты мне было некуда, а вернуться - нельзя...

Как трудно любить, когда, кажется, совершенно нечем проявить, доказать, выказать свою любовь! Не нужны уже ей были ни редкие дорогие лекарства, ни подкрепляющие деликатесы, ни ложные надежды. Ничего ей было не нужно - только моя любовь. Это я видел по ее гаснущим глазам - говорить она уже не могла, только чуть-чуть шевелила губами и иногда пыталась улыбнуться мне. Если я видел тень ее улыбки - я сразу же улыбался ей в ответ и говорил о своей любви.

Приходил священник, иеромонах отец Алексей из ближайшего к больнице монастыря. Он соборовал ее, ей стало чуть легче: видимо, боли перестали так мучить ее, она уже не смотрела на сестру, приходившую делать обезболивающие уколы, с таким напряженным ожиданием. Она даже сделала однажды знак - «Не надо укола!», но сестра все равно ввела обезболивающее по расписанию, у них был свой порядок. Отец Алексей пришел еще раз, читал молитвы над женой, что-то ей говорил - напутствовал, наверное: я на это время вышел из палаты. Потом он позвал меня и причастил ее уже при мне. Она сразу же спокойно уснула. Мы вышли с ним в коридор.

- Батюшка, хоть что-нибудь я могу сейчас для нее сделать? - спросил я.

- Можете. Молитесь.
- А еще?

- Окружите ее своей любовью, как облаком. Забудьте о себе, о своем горе - потом отгорюете, а сейчас думайте только о ней, поддерживайте ее. Помните, умирать - это нелегко и непросто! Да укрепит вас Господь. - Он благословил меня и ушел.

После этого разговора я старался перестать думать о себе. Если подступали ужас, тоска, отчаяние - я обрывал свои мысли и глушил чувства батюшечьими словами: «Потом отгорюешь! Сейчас думай только о ней!»

Я старался чаще прикасаться к ней: отирал пот, смачивал водой ее постоянно пересыхающие губы, что-то поправлял и как можно чаще целовал легонько - ее лицо, лоб, бедную облысевшую головку, ее исхудавшие голубоватые руки... Мы много разговаривали. Вернее, говорил я один, а она слушала. Я вспоминал милые и смешные эпизоды из нашей жизни, вспоминал подробно, не торопясь, со всеми деталями. Я даже пел ей тихонько песни, которые мы когда-то любили. А когда я уставал говорить, то ставил какой-нибудь диск с хорошей спокойной музыкой, с книгами. Ей нравилась запись пушкинской «Метели» в исполнении Юрско-го, с музыкой Свиридова. Мы ее слушали раз десять, не меньше. Отец Алексей тоже оставил мне диск - монастырские песнопения о Божьей Матери. Сначала я боялся его ставить - вдруг она испу-

...И вот она ушла далеко-далеко, в те края, где уже нет ни горя, ни слез, ни болезней. С больничной кровати она поднялась, легкая, помолодевшая, и, конечно, первое, что она ощутила, - это полное и абсолютное отсутствие боли. Я почувствовал это, потому что держал ее за руку в ту таинственную минуту, которую мы на земле называем «смертью». На самом деле, как я теперь понимаю, это что-то совсем-совсем другое.

гается, услышав монашеское пение, но однажды решил попробовать. Она слушала спокойно, лицо ее как-то посветлело, а когда пение кончилось, она посмотрела на меня выжидающе напряженно - и я понял, что она хочет услышать все с начала. Потом я купил еще несколько таких же дисков в монастыре, с другими песнопениями. А еще, запинаясь на незнакомых словах, я читал молитвы по молитвеннику, который мне оставил и велел читать жене отец Алексей. Она их слушала с тем же просветленным лицом, что и монастырские песнопения, хотя ничего такого особенного в моем неумелом чтении не было. Но молитвы ей явно помогали. Да и мне они помогали тоже.

Уходила она тихо, поздним вечером. Сначала, на очень короткое время, я даже не успел испугаться как следует, она вдруг задышала трудно, с хрипом, а потом стала дышать уже тише и все реже... реже... реже... Я держал ее за руку и молчал. И вот, когда перерывы между вдохами стали совсем редкими, она вдруг выдохнула, - а вдоха я уже не дождался. Все в ее лице остановилось, рот приоткрылся, и я понял, что душа ее покинула тело. Вдруг я ощутил в наступившей полной тишине какое-то смятение, что-то похожее на страх, заполнивший маленькую палату до краев. И тут я нашел правильные слова - или кто-то мне их подсказал.

- Любимая моя, не бойся - я с тобой! - сказал я тихо. - Я знаю, что ты здесь, что ты слышишь меня. Я люблю тебя, милая моя, как любил - так и люблю! Я знаю, что это тело - не ты. Я любил его, я привык к нему, и я буду, конечно, плакать и горевать над ним, ты уж прости меня. Но я знаю, что настоящая ты - не бедное это тело, на которое мы с тобой сейчас оба смотрим. Ты - не в нем, но ты здесь. Не бойся ничего, только молись как умеешь. Просто говори: «Господи, помилуй!». И я тоже буду молиться о тебе, дорогая. Вот прямо сейчас и начну!

Отец Алексей заранее посоветовал мне купить «Псалтырь» на русском языке, церковно-славянского я тогда не знал, и велел сразу после «отшествия

души», как он выразился, начать читать «Псалтырь» - и читать по возможности до самых похорон. «Это очень важно, это будет огромная помощь ее душе!» - сказал он. Палата у нас была отдельная, заплачено за нее было вперед, и потому мне разрешили остаться с моей женой до утра, не увезли ее сразу. Я сидел и читал вслух псалмы, и мне казалось, что она прильнула к моему плечу и внимательно слушает.

Предпохоронная суэта и сами похороны заняли меня полностью, и я не знаю, что было бы со мной, если бы у меня оставалось хоть какое-то свободное время. Но у меня его совсем не было: я читал «Псалтырь» каждый свободный час, а когда выдавались только минуты свободные - читал молитвы. На отпевании и во время похорон я молился беспрерывно и... продолжал говорить ей о своей любви.

Поминки прошли очень спокойно и были недолгими. Когда моя и ее мать начали убирать стол после гостей, я сразу же принялся читать «Акафист за единоумершего» - как велел мне делать каждый вечер отец Алексей в течение сорока дней. Дочитав со слезами акафист, я, наконец, свалился и крепко уснул.

На следующий день я проснулся с ощущением пустоты во всем теле, в мозгу, в душе - и во всей моей жизни. «Вот оно, начинается...» - подумал я. Хотел ехать на кладбище, но по дороге раздумал и поехал в монастырь. На мое счастье, отец Алексей в этот день успел уже посетить больницу, мы с ним встретились и с полчаса ходили по монастырским дорожкам и разговаривали.

- Кончину вашей супруге Господь даровал христианскую, непостыдную, а болезнь, с кротостью переносимая, послужила ей к очищению от грехов. Будем надеяться, что она в Раю. Но кто из нас свят? Поэтому помните, что на вас лежит устройство вечной жизни вашей жены и там. Помогите ей сейчас обустроить свой вечный дом!

- Чем, как? Что я могу теперь, батюшка? Это здесь я мог работать для нее, квартиру купил...

постыней и добрыми делами, творимыми во спасение ее души. Заказывайте сорокоусты, подавайте поминания в монастырях и храмах. Вы были хорошим мужем для вашей жены на земле, продолжайте же им быть и теперь, когда она ушла из этой временной жизни. Помните о том, что вы встретитесь в Вечности. И как же хорошо будет, когда ее душа приблизится к вашей душе, просияет от радости и скажет: «Спасибо за все, что ты для меня сделал не только на земле, но и здесь. Какой чудесный дом ты для меня построил своими молитвами и добрыми делами!»

Я думал весь этот день до самого вечера. Ходил по Москве, заходил в храмы, ставил свечки, заказывал сорокоусты и поминания... Вечером я прочитал опять «Акафист за единоумершего» и решил: буду строить для жены дом, как сказал отец Алексей!

И я начал строить небесный дом для моей любимой. Я объехал и обошел все монастыри Москвы и везде заказал годовые поминания об усопшей рабе Божией Анне. Нищим я подавал только мелочь - кто их разберет теперь, этих нищих... Зато когда только мелочь - кто их разберет теперь, этих нищих... Зато когда видел по-настоящему бедную старушку в храме, то подходил к ней, давал уже приличные деньги и просил молиться за новопреставленную Анну. Я нашел людей, которые помогают онкологическим

больным детям, и тоже начал участвовать в этом добром деле. А потом мне крупно повезло. Совершенно случайно я узнал адрес бедного прихода, строящего храм в деревне М-ке, под Тулой, и стал посылать туда деньги с просьбой молиться о моей жене, а летом, во время очередного отпуска, поехал туда и помогал стройке своими руками. И сорок дней я каждый вечер читал «Акафист за едино умершего», заменяя «его» на «ее», хотя отец Алексей мне ничего об этом не сказал - так мне на сердце легло.

Иисусе, верни душе ее благодатных силы первозданный чистоты.

Иисусе, да умножатся во имя ее добрых дел.

Иисусе, согрей осиротевших Твоею таинственною отрадою.

Иисусе, Судие Всемилющий, рая сладости сподоби рабу Твою.

Потом стал читать реже, обычно по субботам, а еще в годовщину нашей свадьбы и в ее день рождения.

Прошел год. Выйдя из храма после панихиды в первую годовщину смерти, я шел в раздумье. Вот и год прошел... Жизнь незаметно стала входить в какую-то новую спокойную колею. И только тут я вспомнил, что собирался после смерти жены полностью отдаться своему горю, выплакаться-выкрикаться-напиться, впасть, быть может, в какой-нибудь загул с тоски. А ведь ничего этого не было! Да я даже и не вспомнил ни разу о своем «отложенном горе»...

Горе было, но оно сливалось с молитвой, с постоянными мыслями о любимой, с заботами о ее посмертной судьбе, да и просто некогда мне было с ума сходить от горя - надо было ей помогать! А это значило - помогать другим, тем, кто нуждается в помощи. У меня не было времени думать о себе, несчастном, потому что я продолжал весь этот год думать о ней, о ее душе. Я хотел помочь спастись ее душе - а спас, сам того не ведая, и самого себя!

Я часто размышляю о том, в каком состоянии сейчас находится строительство небесного дома для моей любимой. Построил я только фундамент дома или он уже возведен под крышу? Но как бы ни сложилась в дальнейшем моя жизнь, я все равно эту стройку не брошу...

А на нашем храме в деревне М-ке уже возводятся купола и скоро будут установлены кресты

**Юлия Вознесенская.
Рассказ из сборника
«Утоли мря печали»**

«О-е-е-ей!»

Еще в самом начале моего пути постижения церковной премудрости, а это те, уже бесконечно далекие, одновременно страшные и прекрасные 90-е годы последнего столетия ушедшего тысячелетия, стою я, как сейчас помню, в очереди на исповедь. Исповедует отец Нифонт, второй священник нашего храма. Он до сих пор, несмотря на свои шестьдесят с хвостиком, все такой же стремительный и быстрый на подъем. А тогда-то батюшка был еще совсем молодой, но исповедовал точно так же, по-военному быстро и лаконично.

В ту минуту перед аналоем с Крестом и Евангелием стояла маленькая благообразная старушка, в не по росту большой синей кофте и белом платочке на голове. Слышу, как батюшка всё пытается чего-то добиться от бабушки, а та упорно молчит. Отец игумен злится, и от этого растерявшаяся исповедница молчит ещё больше. Наконец батюшка не выдерживает, кладёт ей на голову руку и поворачивает бабушку лицом к народу. Потом он слегка похлопал ладошкой по голове старушки и объявил: «Пожалуйста, полюбуйтесь, друзья мои, перед вами живой труп. Да-да, именно труп, потому, что не помнит ни одного своего греха. Ей не в чем каяться, видите ли, она святой человек. А раз так, то это не я должен её причащать, а сам из её рук причащаться».

Бабушку он, правда, всё-таки причастил, но именно тогда во мне появилось понимание, насколько это важно уметь видеть в себе грех, и как легко оказаться в положении «живого трупа».

А сегодня такое состояние души встречается сплошь и рядом, человек до последнего дня не решает на исповедь. В нашем храме, кстати, есть такие прихожане, которые годами посещают воскресные службы, слушают проповеди, но не исповедуются и не причащаются. И сколько им не напоминай — бесполезно, наверно чего-то ждут. Но тот, кто первый раз сталкивается со священником уже на смертном одре, чаще всего не в состоянии вспомнить о грехах. И случаи, когда при таких обстоятельствах человек не только кается, но и действительно, по-настоящему обращается к Богу, очень редки, скорее их можно отнести к разряду чудес. Но они есть, и

надежда на то, что такое чудо может вновь повториться заставляет священника отзываться на просьбу причастить умирающего и, оставив все дела, спешить к его постели.

Как трудно человеку признаться священнику, что ему досаждают блудные помыслы, о желании подсадить коллегу, о том, что утащил с работы какую-нибудь ерунду, на которую в других обстоятельствах бы и не глянул, а вот стащил, и сердце греет. И не пойдёт к исповеди, стыдно, ведь о нём могут подумать, что он мелочный, крохобор, блудник. Слово мы чем-то отличаемся друг от друга и каждый слеплен из особого теста.

Несколько лет назад у нас в одной из семинарий учился индонезиец. Потом его рукоположили, и он вернулся к себе на родину. Хороший батюшка, много трудится, открыл уже пять православных приходов. Когда он только стал священником, владыка благословил его исповедовать причастников. Молодой батюшка заволновался: «Я не так хорошо знаю русский, чтобы понять в чём люди будут исповедоваться». Но наши отцы его научили: «Ты вот как делай. Понимаешь что тебе говорят, кивай головой и повторяй: «Помоги, Господи». А когда не будешь понимать — качай головой и делай так: «О — ё — ё — ё — ёй».

Когда батюшка-индонезиец стал исповедовать, народ сразу смекнул в чём тут дело, и если к другим священникам на исповедь шли единицы, то там, где чаще всего звучало: «о — ё — ёй», всегда был аншлаг.

Но даже, если преодолел стыд ты и признался в грехе, то этого мало, от него ещё нужно и отказаться, а вот это уже слож-

нее. Но без изменения образа жизни бесцельно перечисление грехов, даже если при этом и слезами умоешься, очищения-то нет.

Зато как легко каяться в том, чего не совершал. Наверно потому и собираются такие толпы на подобные потешные покаянные стояния. Это же как благодатно вместе со всеми опуститься на колени, бить себя в грудь и «каяться» за «восстание декабристов, за участие в гражданской войне, за отречение от Бога на 18 съезде ВКПБ», и ещё за множество таких же страшных грехов по списку. Вроде как и покаяться, может даже и заплакал вместе со всеми, да только ни к чему такое «покаяние» тебя не обязывает, и на жизнь твою ровным счётом никак не повлияет. Я заметил: нас постоянно тянет подменить подлинное покаянное чувство какими-нибудь внешними ритуальными действиями. Так что, если кто-нибудь догадается ввести у нас продажу православных индульгенций, то это будет самый ходовой товар.

Перед исповедью у себя в храме произношу краткую проповедь: — Прежде чем христианин придёт на исповедь, он уже должен найти, увидеть в себе грех, и возненавидеть его всей душой. Видишь, что грех перерос в страсть, плачь перед Богом, проси Его помощи избавиться тебе от этой зависимости. А потом уже спешите сюда, в храм подойдите к Евангелию с Крестом и кайся.

Хорошо так сказал, прочувствованно. Ещё находясь под впечатлением собственных слов, подхожу к месту исповеди и приглашаю людей: — Пожалуйста, подходите. Смотрю, из тол-

пы исповедников навстречу мне выдвигается незнакомая бабушка в цветастом деревенском платке и душегрейке из чёрного искусственного меха. Несмотря на внушительные габариты она юрко, опережая других, оказывается рядом со мной.

Подойдя ко мне, она со знанием дела положила передо мной на аналой свечу, так поступают почему-то те, кто приезжает к нам из одной нашей бывшей братской республики. Я их по этому признаку и отличаю. Слышал, будто тамошние отцы таким образом учат свою паству на исповедь. Положила и молчит, спрашиваю: «Матушка, вы хотите покаяться?» В ответ она кивнула, и снова молчит. «Много грехов-то, а, мать?» — пытаюсь настроить бабушку на нужный лад. «А до фига!» — кричит старушка, и словно зыблый картёжник, азартно широко замахом швыряет мне на Евангелие десяточку. Швырнула, и, наклонив голову, расчувствовавшись, со слезою в голосе произнесла: «Давай, уже, накрывай».

Тогда я и вспомнил моего отца Нифонта, как он предьявил нам ту маленькую благообразную старушку и, похлопав ладошкой ей по голове, произнёс: «Вот, пожалуйста, полюбуйтесь, друзья мои. Перед вами живой труп». Пытаюсь сообразить, мне-то что делать, может, последовав примеру отца игумена, развернуть её к народу, и так же, похлопав ей по голове, задумчиво произнести: «Вот вам, пожалуйста». Но не стал, его-то бабушка была маленькой и кроткой, а у меня вон какая боевая, такая и в ответ нахлопать может. Да и какие к ней претензии: свеча на месте, десятка уплачена, всё чин по чину. От греха подальше, прочитаю-ка лучше разрешительную молитву.

Накинул ей на голову епитрахиль, и вдруг, всё это вышло как-то само собою, вместо того, чтобы читать молитву, закачал головой: и, словно тот батюшка индонезиец выдохнул горестно и протяжно: «О-ё-ё-ёй!»

Священник Александр Дьяченко (печатается в сокращении) //Жити завтра

Вскрытие покажет

Просить Бога, чтоб Он открыл тебе твои грехи, нужно по той же причине, по которой врачи должны старательно позаботиться об обследовании и постановке диагноза.

Помер человек, а потом выясняется, что лечили не от того, а значит, и вовсе не лечили... Я думаю, что и с покаянием так же. Сатана очень заинтересован в том, чтобы увести силу покаяния в частности и религиозной жизни в целом в ложном направлении.

"Когда настало время умирать великому Сисою, просветилось его лицо, и он сказал сидевшим у него отцам: "Вот пришел авва Антоний". Помолчав несколько сказал: "Вот лик пророческий пришел". Потом просветился более и сказал: "Вот пришел лик апостольский". И опять сугубо просветилось лицо его; он начал с кем-то беседовать. Старцы спрашивали его сказать, с кем он беседует. От отвечал: "Ангелы пришли взять меня, но я умоляю их, чтобы они оставили меня на короткое время для покаяния". Старцы сказали ему: "Отец, ты не нуждаешься в покаянии". Он отвечал им: "Поистине не знаю о себе, положил ли я начало покаянию" (Патерик Скитский, см. у епископа Игнатия, т. 3, стр. 110).

Протоиерей Сергей Лепин
// <http://serge-le.livejournal.com/>

Жажда истины: Вопросы об исповеди

- Как должна проходить правильная исповедь?

Исповедь должна быть краткой и конкретной. Мне кажется, в этих двух словах заключен ответ, что такое правильная исповедь. Если мы будем говорить чрезмерно подробно, то можем на какую-то второстепенную вещь обратить внимание, а самое главное упустить. Не нужно рассказывать о каких-то сопутствующих обстоятельствах, если они не имеют прямого отношения к тому, что мы исповедуем.

В то же самое время нужно говорить конкретно, то есть точно говорить о том или ином грехе, который мы совершили, или о вопросе, который нас волнует. Потому что если мы будем расплывчато рассказывать, то тогда духовник нас не поймет. И тогда по нашей собственной вине, именно по причине того, что мы говорим слишком пространно и неточно, может получиться, что духовник даст нам неправильный совет. И виноват будет не он, а наше чрезмерно мнительное отношение к тому, что с нами происходит.

- Как быть, если головой знаешь, что поступаешь дурно, а сердцем этого не чувствуешь?

Если человек знает, что поступает дурно, то, хотя сердце его и молчит, это уже какой-то шаг навстречу покаянию. По крайней мере, будем каяться в том, что мы осознаем как грех. А постепенно придет и сочувствие к добродетели, и появится отвращение ко греху. Если же мы будем искать сразу высшей степени, пренебрегая той, на которой мы стоим, то мы можем и вовсе никак не продвинуться. Будем стоять на месте, и никакого движения в смысле нравственного развития у нас не будет.

- Какие грехи сегодня самые опасные и распространённые, как Вам кажется?

Я считаю, что это, во-первых, грех самонадеянности, или, как мы иначе ее называем, гордость, и, во-вторых, грех нерадения, или, иначе, лень. Лень в духовно-нравственном отношении. От этих двух грехов происходят все прочие.

За гордость нас оставляет благодать, и мы находимся в опасности впасть в блудные грехи, пьянство и многое другое со-

вершить, о чем мы понимаем, что это плохо, но не можем удержаться, водоворот страсти нас увлекает. И все это оттого, что гордость лишила нас благодатного покровца.

Нерадение тоже чрезвычайно опасно, потому что мы ждем, когда всё само собой произойдет, не проявляем ревности, самопознания, и поэтому также можем впасть в самые страшные грехи.

До тех пор это всё будет происходить, пока мы не поймем, что нужно, с одной стороны, смиряться и искать помощи у единого Бога, понимая свое совершенное бессилие, с другой стороны — нужно крайне понуждение себя, ведь если мы сами ничего делать не будем, то Бог нам не поможет. Как говорит преподобный Пимен Великий: если мы будем бороться, то и Господь будет бороться за нас, а если мы будем бездейственны, то и Господь нам не поможет.

Из статьи «Схиархимандрит Авраам (Рейдман): Исповедь должна быть краткой и конкретной»

Когда не поделили время

«Я сердита, я сердита» - встретился мне на сайте «Фомы» заголовок и фотография ребенка с яркими признаками того, что психологи называют аутоагрессией. Мне – сюда. Действительно, тема «Как не убить, когда ребенок бесит» популярна у мам на удивление – знаю это и как завсегдатая песочницы, и как мать, периодически страдающая из-за отсутствия лекарства от «бешенства».

Рекомендаций по обузданию собственного несправедного гнева находила я много, хороших и разных, но они не отвечали на вопрос: почему мне по-прежнему временами как-то неловко бывает читать своим детям стихи про маму. Читаешь: «Кто нас нежно так голубит...», а вспоминаешь анекдот:

- «Дзинь-дзинь, гав-гав!» – отгадай, что это?

- Это мама домой пришла

Но ведь мамы в прошлом не стеснялись писать такие стихи. Лицемерили? Наверяд ли.

Может быть, не совсем корректно приписывать окружающим собственные греховные мотивы, но от обобщений трудно удержаться: некоторые выводы о причинах материнской взвинченности у меня накопились.

Представляется мне, что мы – порой даже многодетные верующие женщины – не имеем в голове модели материнства как образа жизни. Кажется, что взросление ребенка – это просто трудный период, который надо пережить. «А потом легче будет» - подбадривают родственники, умалчивая, что «потом» - это когда последнее чадо пойдет в институт, а маме будет сильно за...50(!). И мы чаще всего делимся на тех, кто, испугавшись такого периода, просто отказывается иметь детей – и тех, кто терпеливо (только лишь терпеливо) «несет свой крест», ожидая отдыха «потом». И вот это ожидание, выражаясь в мелочах, спокойствию не способствует.

«Сейчас уложу, и наконец-то вымою посуду (отдохну, почищу и т.п.)», - мечтает мама, судорожно «утрясывая» на руках свое сокровище. А сокровище вот именно сейчас общаться желает с любимой мамой, ведь на ее жестких от напряженного ожидания руках совсем не спится... «Скорей бы в школу», - иногда вздыхаем мы в обществе юного почему-то

ки. Но в школу пойдет уже готовый результат нашего усердия в ответах на «почему-зачем-когда» - и бесполезно будет, готовя уроки, раздражаться на его «тупость», равнодушие к новым знаниям или пренебрежение нашими советами.

А если жизнь – это когда ты «вырвалась» (ведь так говорим?) из дому, «сбагрив» ребенка бабушке, то все прочее становится существованием, которое мы только терпим, и терпение, конечно, периодически «лопается».

Бывает, что женщина пытается совместить «трудный период» с «нормальной жизнью» (дети рядом – это для нас, выходит, ненормально). Тогда повод для раздражения – это то, что они мешают делать важные дела: писать статью, картину, компьютерную программу, учебный план, кандидатскую... Кто вспомнит через 15 лет нашу докторскую диссертацию? Тот ли, кто – избави, Господи! – сердобольно доведет до дому нашего «перебравшего» отпрыска?

Так что ж теперь, не жить?! Думаю, жить вполне можно, стоит лишь примириться с тем, что материнство входит в понятие жизнь, а не противопоставлено ему. Тогда вдруг является удивительная изобретательность в организационных вопросах, позволяющая женщине превратить уборку-стирку-готовку в развивающие занятия для детей, а в тихий час вместо судорожных метаний

по дому с венником – и диссертацией заняться, если уж без нее – никак.

Не подумайте только, что автор все это умеет. Но, конечно, многократно приходилось убеждаться, что если, например, решив готовить ужин, позвать детей, даже полутороговалых, печь порожки – то и пирожки приготовятся быстрее (в три года ребенок отлично орудует детской скалкой и лепит вполне приемлемые плюшки, особенно если хвалить и не слишком «заморачиваться») – и ходить в детскую всех «строить» каждые пять минут не придется. А сытый папа на радостях сам изъявит желание почитать детям книжку, дав маме время на личные нужды. Но стоит подумать: «Все, не могу больше, имею право отвлечься», - и нырнуть в интернет – все, жди концерта: дети умеют демонстративным поведением добиться внимания, хотя бы и не самого приятного.

Это другая сторона отношения к материнству как к чему-то временному и нелегкому: мы начинаем воспринимать время, как собственность, детей как разорителей этой собственности, а себя жалеем ужасно, как окраденных и обделенных. Или, может быть, наоборот: мы уверены, что наше время принадлежит нам, а уж из этого делаем вывод, что дети – грабители и «должны же это когда-нибудь закончиться». Но в поведении нашем это выражается одинаково – мы всеми силами

пытаемся «урвать» назад побольше времени – на компьютер, на чай, на разговор по телефону, на «спокойную молитву» в конце концов. А прочее время коротаем в ожидании очередной передышки.

Но дети чувствуют, когда мы тяготимся – и отвечают на нелюбовь беспокойством, иступленной гиперактивностью, а мы раздражаемся в ответ, и тем только доказываем нелюбовь, замыкая круг... Нам кажется: «Какая нелюбовь, какой недостаток внимания? Да я с ним целыми днями! На прогулке по пять часов в день, подарки, игрушки – что еще ему нужно?!» Но и на прогулке мы пытаемся «отдохнуть», «пожить нормальной жизнью», и погружаемся в беседу либо с другими мамами на детской площадке, либо по телефону. А ведь это вдвойне обидно: мама здесь, рядом, даже смотрит на тебя – но говорит с другим... К тому же, детям не свойственны подобные подсчеты. Можно целый день с ними играть, но если позже, уткнувшись в монитор, мама на какое-нибудь «Почему?» ответить «Угу, можно»... Берегись, мама!

Результат – агрессивное поведение ребенка, на которое мы реагируем тоже агрессией, считая, что надо сломить упрям-

ство «пока не поздно». Особенно, бывает, верующие мамы усердствуют дитя «смирить», забываясь о том, чтоб «знал свое место», «почитал старших» и т.п. Мы забываем, что смирение субъективно, то есть может лишь добровольно возвращаться в душе, а не вбиваться насильно в объект воспитания. Навязанное смирение – это всего лишь забитость. Но как мой ребенок научится смиряться сам, если постоянно видит, как мама с пол-оборота заводится при посягательстве на «ее личное» время?

Нет, я вовсе не призываю считать, что «наша жизнь принадлежит детям» вместе со всем некогда нашим временем. При таком подходе однажды можно сорваться и возненавидеть их как маленьких узурпаторов. Проще вспомнить, что жизнь, как и время, принадлежит Богу, а Он вот уверен, что мы наилучшим образом сможем распорядиться ими, лишь добровольно разделив – без зависти и «урывательства» - с нашими детьми.

Елена Фетисова
// Фома

Протоиерей Алексей Уминский:

«Детское молитвенное правило должно быть посылным и понятным ребенку»

– Батюшка, как быть с молитвенным правилом? «Последование ко Причастию», каноны – все это ребенок не осилит. С чего начинать?

– А кто сказал, что надо вычитывать все молитвенное правило? Глупо требовать от ребенка вычитывать его полностью. У каждого молитвенное правило должно быть разное – одно у монахов, другое у священников, у разных мирян разное: в зависимости от их занятости на работе, образования, духовного уровня, возраста. Одно – у здорового молодого человека и другое у человека, который болеет. Одно правило у только начинающего церковную жизнь, и другое у

того, кто давно в церковной ограде.

– Но в церковных книгах пишется, что надо читать все и приучать себя и ребенка к порядку в молитве...

– Мы должны понять: то, что в книгах – это некий образец. Это то, что должно направлять, то, что потом становится у человека молитвой, что должно формировать молитву. А у нас что происходит: мы правило «вычитываем», а службу «выстаиваем». Это же звучит ужасно, как повинность какая-то, а не радость. Святитель Игнатий Брянчанинов говорит такие замечательные слова: «Человек не должен становиться рабом молитвенного правила». То, что

Господь сказал о субботе, относится и к молитвенному правилу: не человек для правила, а правило для человека.

Если ребенок молится, у него должно быть свое правило. Но оно не должно быть тем правилом, которое станет криком и отвернет его от Церкви. Преподобный авва Дорофей говорит, что кривое правило и прямую дорогу делает кривой.

– Какие молитвы вы бы посоветовали читать детям?

– В зависимости от возраста. Когда детки совсем маленькие, только учатся молитве, очень хорошо, когда с ними молятся мама или папа и они вместе вслух поют «Богородице Дево, радуйся...», «Отче наш...», «Молите Бога о нас...», «Величаем Тя...», «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...» Это простенькие, но хорошо запоминающиеся молитвы. Ребенка надо приучать молиться своими словами за папу и маму, за бабушку и дедушку, за всех близких. Когда ребенок начинает ходить в храм, уместно дать ему возможность выбрать те молитвы, которые ему понятны. Надо каждое слово ребенку объяснить, чтобы не было магического отношения к молитве: вот что-то бубню, а не понимаю что. Правило должно быть понятным, осознанным и посылным.

– Многие впадают в уныние: вот ребенок не вычитал правило, это грех, поэтому все – ко Причастию он не идет...

– Грех не в том, что не вы-

читал правило, а в том, что не помолился. Можно читать правило и в этот момент с Богом совсем не пообщаться. Ведь важно, чтобы молитва приближала человека к Богу.

Вот праведный Иоанн Кронштадтский говорил: «Лучше сказать пять слов от сердца, нежели тьмы слов языком». Молитвенное правило должно постоянно наполнять человека, приближать к Богу. Конечно, оно должно нести какой-то труд, человек должен трудиться над собой, но посылно. Оно не должно препятствовать духовной жизни. Если молитвенное правило такое, что человек не причащается, потому что он не может вычитать правило, то это правило препятствует ко спасению. Значит, его надо менять.

Почему мы должны читать одни и те же молитвы в течение всей своей жизни? Почему мы не можем допустить свободу в выборе молитв ко Причастию, чтобы сделать правило более живым? Мы ведь меняемся, меняется наше отношение к Богу, к Церкви, меняются наши желания чем-то наполнить свою жизнь. Правило должно восприниматься как нечто общее, из чего человек должен выбирать. Оно должно быть таким, чтобы ребенку было нетрудно и радостно молиться. И чтобы это поддерживало на его пути к Богу.

У детей должно быть маленькое молитвенное правило по отношению ко взрослым. Иначе в чем тогда смысл нашего взросления? Если с самого

начала детей нагружать большим правилом, они перестанут молиться и это станет для них чистой формальностью. Молитвенное правило не должно занимать у детей более 10 минут с утра и вечером, а на правило перед Причастием они не должны тратить более 15 минут.

– А как быть с подростками? Если детей еще можно за руку привести, то подростки не ходят в церковь да и правило читать не будут...

– Если у подростка есть хотя бы желание идти в храм и причаститься, то пусть причащается. Как может: одну молитву прочел и – слава Тебе, Господи.

– А если не идет, потому что скучно? Как родителям вести себя с подростками?

– Сложный момент. Сказать – отпустите его совсем и не ведите – это будет неправильно. Сказать – в любом случае тащите – тоже можно ошибиться. В общении с подростком надо всегда лавировать. С одной стороны, не отпускать, а с другой – не держать слишком жестко. Постараться услышать, чего он хочет, что ему мешает. Понять причину отторжения. Если он просто стесняется, не находит друзей и единомышленников своего возраста, тогда надо искать такие общины, где бы он мог найти себе товарищей и друзей.

Печатается
в сокращении
// Самарянка.уа

Расписание богослужений в храме Архангела Михаила

Наш храм открыт ежедневно с 8 до 20 часов

Четверг 4 октября	
<i>Отдание праздника Воздвижения Животворящего Креста Господня</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Пятница 5 октября	
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Суббота 6 октября	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Всенощное бдение. Вечерние молитвы.	17:00
Воскресенье 7 октября	
<i>Неделя 18-я по Пятидесятнице</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Всенощное бдение. Вечерние молитвы.	16:00
Понедельник 8 октября	
<i>Память преподобного Сергия Радонежского</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Среда 10 октября	
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Четверг 11 октября	
<i>Память преподобных Кирилла и Марии, родителей прп. Сергия</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Молебен с акафистом прп. Кириллу и Марии. Лития. Вечерние молитвы.	19:00
Пятница 12 октября	
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Суббота 13 октября	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Всенощное бдение. Вечерние молитвы.	17:00
Воскресенье 14 октября	
<i>Неделя 19-я по Пятидесятнице. Покров Пресвятой Богородицы.</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Молебен с акафистом. Лития. Вечерние молитвы.	19:00
Среда 17 октября	
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Четверг 18 октября	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Пятница 19 октября	
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Суббота 20 октября	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Всенощное бдение. Вечерние молитвы.	17:00
Воскресенье 21 октября	
<i>Неделя 20-я по Пятидесятнице</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Понедельник 22 октября	
Молебен с акафистом. Лития. Вечерние молитвы.	19:00
Вторник 23 октября	
Водосвятный молебен. Лития. Вечерние молитвы.	19:00
Среда 24 октября	
Молебен с акафистом перед иконой Богородицы "Неупиваемая Чаша". Лития. Вечерние молитвы.	19:00
Четверг 25 октября	
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Пятница 26 октября	
<i>Иверской иконы Божией Матери</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Суббота 27 октября	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Всенощное бдение. Вечерние молитвы.	17:00
Воскресенье 28 октября	
<i>Неделя 21-я по Пятидесятнице</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Понедельник 29 октября	
Молебен с акафистом. Лития. Вечерние молитвы.	19:00
Вторник 30 октября	
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Среда 31 октября	
<i>Память Апостола и евангелиста Луки</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Четверг 1 ноября	
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Пятница 2 ноября	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Суббота 3 ноября	
<i>Дмитриевская родительская суббота</i>	
Панихида.	8:00
Часы. Божественная литургия.	8:40
Всенощное бдение. Вечерние молитвы.	17:00
Воскресенье 4 ноября	
<i>Неделя 22-я по Пятидесятнице.</i>	
<i>Празднование Казанской иконы Божией Матери</i>	
Часы. Божественная литургия. Крестный ход к Казанской часовне.	8:40

Притча о хомячихе

Некоторое время назад наша хомячиха родила пятерых хомячат. Когда они подросли, небольшого пространства клетки перестало хватать, и мы стали думать, куда их пристроить. Одного хомячка, симпатичную самочку пепельного цвета, согласился взять к себе домой мой аспирант Игорь. Он купил для своей новой четвероногой подруги трехэтажную клетку со всевозможными лабиринтами, домиками, кормушками, насыпал туда опилок, приобрел в зоомагазине разнообразные корма.

Мы договорились, что я передам Игорю хомячиху на журфаке. Утром накормил зверушку, пересадил в маленькую переносную клетку, поместил её в просторную сумку и вышел из дома. Оказавшись впервые в жизни на улице, хомячиха заволновалась. Её нервозность усилилась, когда мы подошли к остановке и сели в автобус. Но сильнее всего она, бедная, переживала в метро: дёргалась, грызла зубами решётку клетки, пытаясь выбраться. Я тогда накрывал клетку полотенчиком, то доставал её из сумки – хомячиха не успокаивалась.

Придя на журфак, я поменял в клетке подстилку и накормил хомячиху. Она немного успокоилась. Тут мне позвонил её будущий хозяин: сообщил, что задерживается на работе, просил подождать. Оставив клетку с хомячихой на кафедре, я пошёл принимать зачёт. Через некоторое время мне позвонила перепуганная и взволнованная лаборантка с кафедры: хомячиха убежала из

клетки и бегаёт где-то под шкафом. Прервав зачёт и оставив обрадовавшихся студентов одних, я бросился на кафедру. С трудом удалось поймать зверька.

Тут как раз и подъехал мой аспирант. Я торжественно вручил ему хомячиху. Игорь достал её из

сняткам, которые мне время от времени присылает Игорь, она жива-здоровая и вполне довольна жизнью. А из её родных, кстати, не осталось уже никого.

Зачем я рассказал эту ничем не примечательную, на первый взгляд, историю? Время от времени студенты жалуются мне на сложные обстоятельства жизни, из которых часто не видят выхода, задаются размышлениями о том, зачем Бог посылает им те или иные испытания. И тогда я рассказываю им о своей хомячихе, которую подарил аспиранту. Испытывая в тот день с и л ь н е й ш и й стресс, она и в голову не могла себе взять: всё это делается для того, чтобы ей, в конечном итоге, было не просто хорошо, а лучше всех.

К сожалению, или, скорее, к счастью, нам не дано посмотреть на нашу жизнь с высоты прожитых лет, из какого-нибудь, скажем, 2030 года, и можем только догадываться, что без наших сегодняшних трудностей, печалей и скорбей вряд ли будет светлое и радостное завтра.

Григорий Прутков
// **Татьянин День**

О промысле Божием

Из семидесяти святых апостолов пять апостолов отпали. Иуда; Николай - был епископом; Фегелл - был епископом; Ергоген - тоже был епископом; Димас - был иерей и служил идолам. Меня занимали раньше такие мысли: почему Господь избрал этих в ученики для проповеди? Ведь Он знал, что они отпадут. Но во время службы как-то стало мне ясно, что Господь по Своей благодати призывает к Себе всех, но свободную нашу волю не нарушает, а если кто уклонится от добродетели в порочную жизнь добровольно - сам виноват, так как не потрудился по свободной воле во угодение Богу. Один возлюбил деньги, а другой - век сей временный, так и прочие отпавшие. По свободной нашей воле мы должны трудиться в угодении Богу, тогда благодать помогает нам, а если не будем трудиться - и благодать Божия не поможет; наш труд и благодать Божия идут совместно.

Схигоумен Иоанн (Алексеев) (1873-1958)

Бог всё делает, чтобы вразумить человека. Если после всех попечений о нём видит его не желающим исправиться, то оставляет его. Как бы говоря: "Ну, делать нечего, оставайся". Бог не хочет смерти грешника; но и произволения не насилует, и только всё делает для склонения произволения на добро. Всё такое Он предвидит о каждом, и как предвидит, так и определяет.

Святитель Феофан, Затворник Вышенский (1815-1894)

Человек духовно летит при помощи двух крыльев: воли Божией и воли собственной. Одно крыло - Свою волю - Бог навсегда приклеил к одному из наших плеч. Но для того, чтобы лететь духовно, нам тоже нужно приклеить к другому плечу свое собственное крыло, равнодействующее с крылом божественным, и он летит. Если же воля у человека неразвита, то он хочет взлететь, а [вместо этого] летит кувырком.

Старец Паисий Святогорец (1924-1994)

Посетите сайт храма святого Архистратига Михаила – Мирный.приход.ру

Новости, информация о приходе и духовенстве храма, воскресная школа, сотрудничество с армией, ответы на вопросы. Удобная ссылка для перехода на сайт храма есть на неофициальном сайте Мирного.

Учредитель:

Местная православная религиозная организация - Православный приход в честь Архистратига Михаила г.Мирный, Плесецкий район, Архангельская область, Архангельская епархия Русской Православной Церкви
Адрес редакции: 164170, город Мирный, Архангельская область, ул.Пушкина, дом 2, Храм, тел. 5-28-77

Дорога к Храму

ИЗДАНИЕ ХРАМА СВ. АРХАНГЕЛА МИХАИЛА
Главный редактор протоиерей Артемий Эмке
Газета зарегистрирована в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 29 - 00276 от 13.05.2011 года

Просим не использовать газету в хозяйственных целях

Номер отпечатан в ООО «Типография «Премьер». г. Вологда, ул.Козленская, 35-424
Номер подписан в печать 2 октября 2012 года в 16:00. Тираж 2000 экз. Заказ №602. Цена свободная.

Газета издается при поддержке редакции газеты

«Мир информации и рекламы»

Макет, верстка и дизайн: Олег Григоренко